

АЛДАБАРА

ЧЕРПАКА,

КОТОРАЯ

ЛЮБИЛА

ШЕКСПИРА

СИЛЬВАНА
ГАНДОЛЬФИ

БЛАСОНКА

САМОКАТА

Классика Самоката

Сильвана Гандольфи
**Альдабра. Черепаха,
которая любила Шекспира**

«Самокат»

2001

Гандольфи С.

Альдабра. Черепаха, которая любила Шекспира / С. Гандольфи — «Самокат», 2001 — (Классика Самоката)

ISBN 978-5-00167-273-9

Эя, бабушка десятилетней Элизы, верит, что смерть можно обвести вокруг пальца — надо только в кого-нибудь перевоплотиться и жить дальше. Элиза любит свою чудаковатую бабушку, с которой ее роднит не только первая буква имени, но и увлечение искусством и Шекспиром: когда Элиза навещает бабушку, они разыгрывают и читают по ролям его пьесы, а Эя рисует картины и учит внучку мудрости. Элиза признает, что ее бабушка немного странная и в последнее время сильно изменилась и постарела. Вот только своими тревогами ей поделиться не с кем — ведь бабушка и мама Элизы в прочной ссоре из-за давнего недопонимания и обид прошлого. Но когда бабушка Эя вдруг начинает грезить неведомой Альдаброй и меняется не по дням, а по часам, становясь всё более непохожей на себя, Элиза понимает: без ее помощи и поддержки бабушка не сумеет воплотить свою мечту и обрести желанную свободу. Сильвана Гандольфи (род. в 1940 году) — живой классик итальянской литературы, автор более десяти книг для детей и подростков, лауреат одной из самых престижных литературных наград — премии Андерсена 1996 года. Эта замечательная метафорическая сказка-притча учит, в первую очередь, «быть твердым снаружи, но мягким внутри» и умению принимать своих близких такими, какие они есть, пусть даже тебе многое в них не нравится. Но главное, она учит заботиться о них и защищать во что бы то ни было.

ISBN 978-5-00167-273-9

© Гандольфи С., 2001

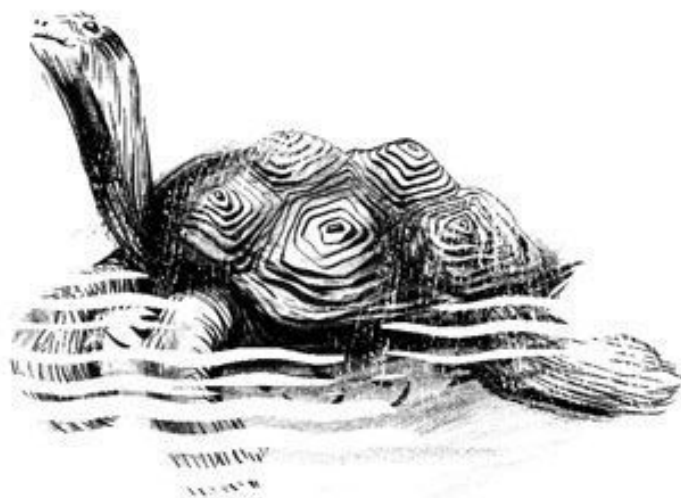
© Самокат, 2001

Содержание

Глава первая	8
Глава вторая	15
Глава третья	21
Глава четвертая	27
Глава пятая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Сильвана Гандольфи Альдабра. Черепаха, которая любила Шекспира

Донателле, моей всегдашней попутнице в странствиях по королевствам невозможного.

Бабушка Эя: Туловище, руки и ноги у меня толстеют, кожа становится грубой и смуглой, волосы выпадают, а спина все сгибается и сгибается... Если вы думаете, что я просто превращаюсь в дряхлую никчемную старуху, оставьте меня в покое: я должна узнать, каково это – быть твердым снаружи и мягким внутри.

Элиза: Бабушка у меня со странностями, может, даже больна. Но посоветоваться мне не с кем: с мамой приходится держать язык за зубами. Если расскажу ей, она снова упрячет бабушку в психушку.

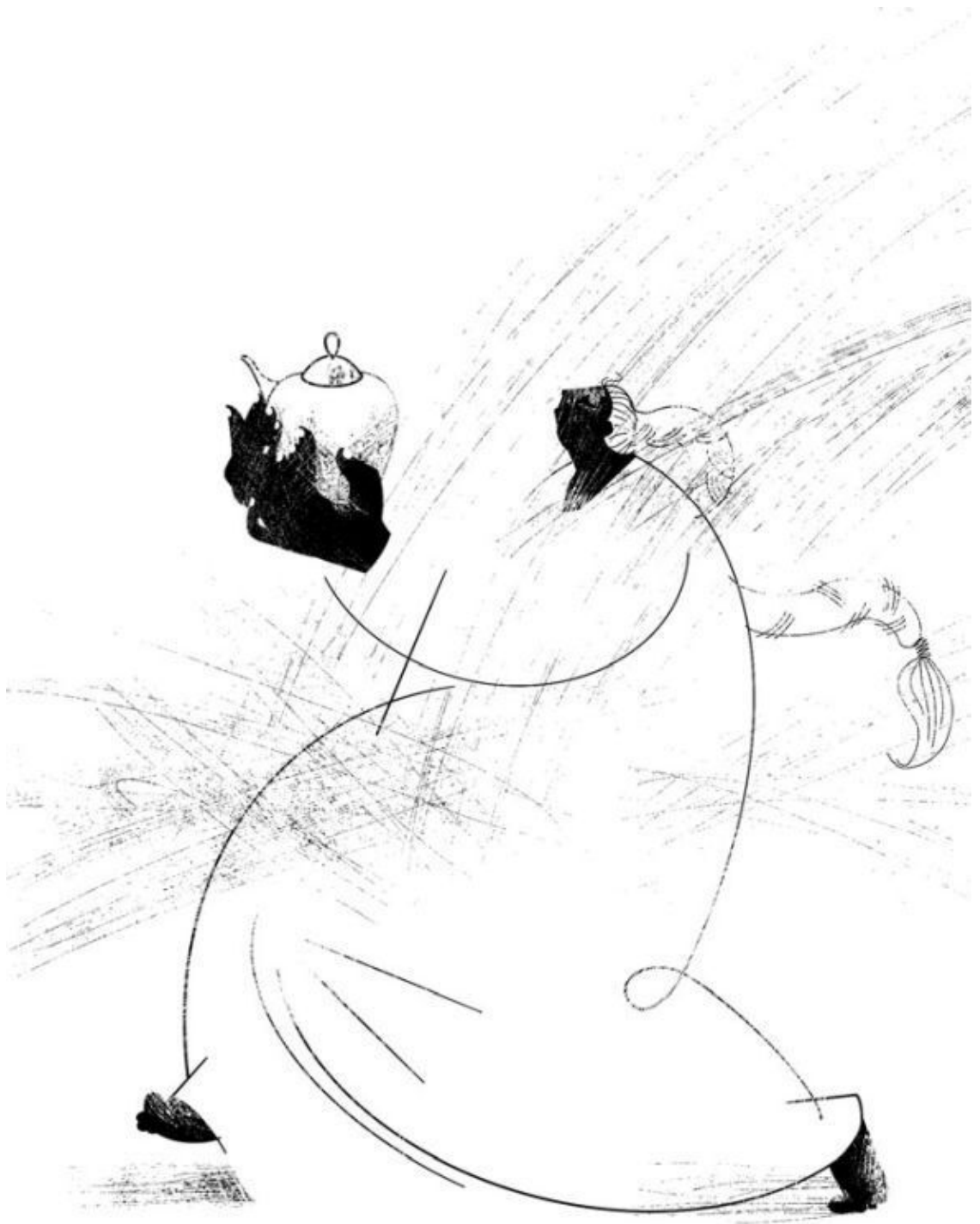
Элизина мама: Да, это правда... Но тогда она представляла опасность для самой себя, она была... была не в себе. Надеюсь, Элиза не в нее.

Макс: Своим внушительным доисторическим видом черепаха распугала бы монстров из моих ночных кошмаров лучше любой рептилии.

Автор: Почему Венеция и Альдабра? Возможно, потому что у самого красивого города в мире и острова в Индийском океане есть кое-что общее: лагуна. А в лагунах, как известно, совершаются чудеса.

Шекспир: Мы знаем, кто мы такие, но не знаем, кем можем стать.

Глава первая

«Чтобы обвести смерть вокруг пальца, надо просто в кого-нибудь перевоплотиться, Элиза».

Каждый раз, шепча эту фразу, бабушка Эя буравила меня своими карими глазами. Ее легкий акцент становился более заметным, и слова звучали таинственно. Я напрягалась, точно

тетива лука, сжимала губы и смотрела на нее не дыша. Мы соревновались, кто дольше выдержит взгляд.

После напряженной паузы бабушка хватала меня за руку и шепотом, обдавая ароматом плюмерии и пряностей, принималась рассказывать легенду о древнем народе на краю света, где женщины, стоило им только захотеть, могли не умирать вовсе. Они просто превращались во что-нибудь другое. В этом-то вся и хитрость: не умирать, а перевоплощаться. Штука, конечно, не из легких, но по силам каждому. Бабушка тоже однажды попробовала, но у нее не очень-то получилось. А если начистоту, «провалилось ко всем чертям». Так говорила она, усмехаясь.

– А ты во что хотела превратиться, бабушка?

– Никак не вспомню.

– Может, в сирену? – подсказывала я, вспомнив картины, которые рисовала бабушка. Очень часто на них появлялись девушки с серебристыми рыбьими хвостами, танцующие в голубых волнах.

– В сирену? Похоже на то. К сожалению, у меня ничего не получилось. Сирены... я даже не совсем уверена, что они существуют!

Она улыбнулась, но потом опять стала серьезной.

– Понимаешь, Элиза, перевоплотиться можно только в то, с чем мы уже в глубине души сроднились.

Бабушка Эя рассказывала легенды и мифы так, будто делилась тайной за семью печатями. Чем причудливее были ее истории, тем больше хотелось им верить.

Бабушка круглый год ходила в белом. В двадцать лет она приехала в Венецию из Англии и тут же по уши влюбилась в рабочего с Арсенала, отца моей мамы. Ради него она без колебаний бросила многообещающую карьеру лондонской актрисы. Они поженились, потом дед умер, оставив ее одну с маленькой дочкой. Чтобы как-то зарабатывать на жизнь, Эя принялась рисовать изящные картинки с видами Венеции, как с коробки шоколадных конфет, и продавать их туристам. Она никогда больше не покидала этот город.

Я заходила к ней чуть ли не каждый день. От ее дома до моего полчаса быстрым шагом. До причала Челестия все шло гладко. Но, миновав причал и ступив на металлические мостки, тянущиеся вдоль высокой кирпичной стены, я ускоряла шаг. Росписи, покрывавшие старые стены Арсенала, были слишком яркими, грубыми и напоминали о войне. Поэтому, шагая по узким мосткам, я отворачивалась от них и смотрела на лагуну. Волна откатывалась, открывая узкую полоску грязи и мусора. Битые кирпичи, ржавые урны, сиденья растасканных машин, покрытые водорослями. Казалось, вместе с мусором прилив может вынести все что угодно. Я внимательно вглядывалась, не сверкнет ли что-нибудь на этом странном пляже. Мой взгляд подолгу задерживался на бутылках: сквозь грязное стекло я пыталась разглядеть, что внутри. Вдруг послание? Мне ужасно хотелось явиться к бабушке с письмом от потерпевшего кораблекрушение на другом конце света. Она обожала такое.

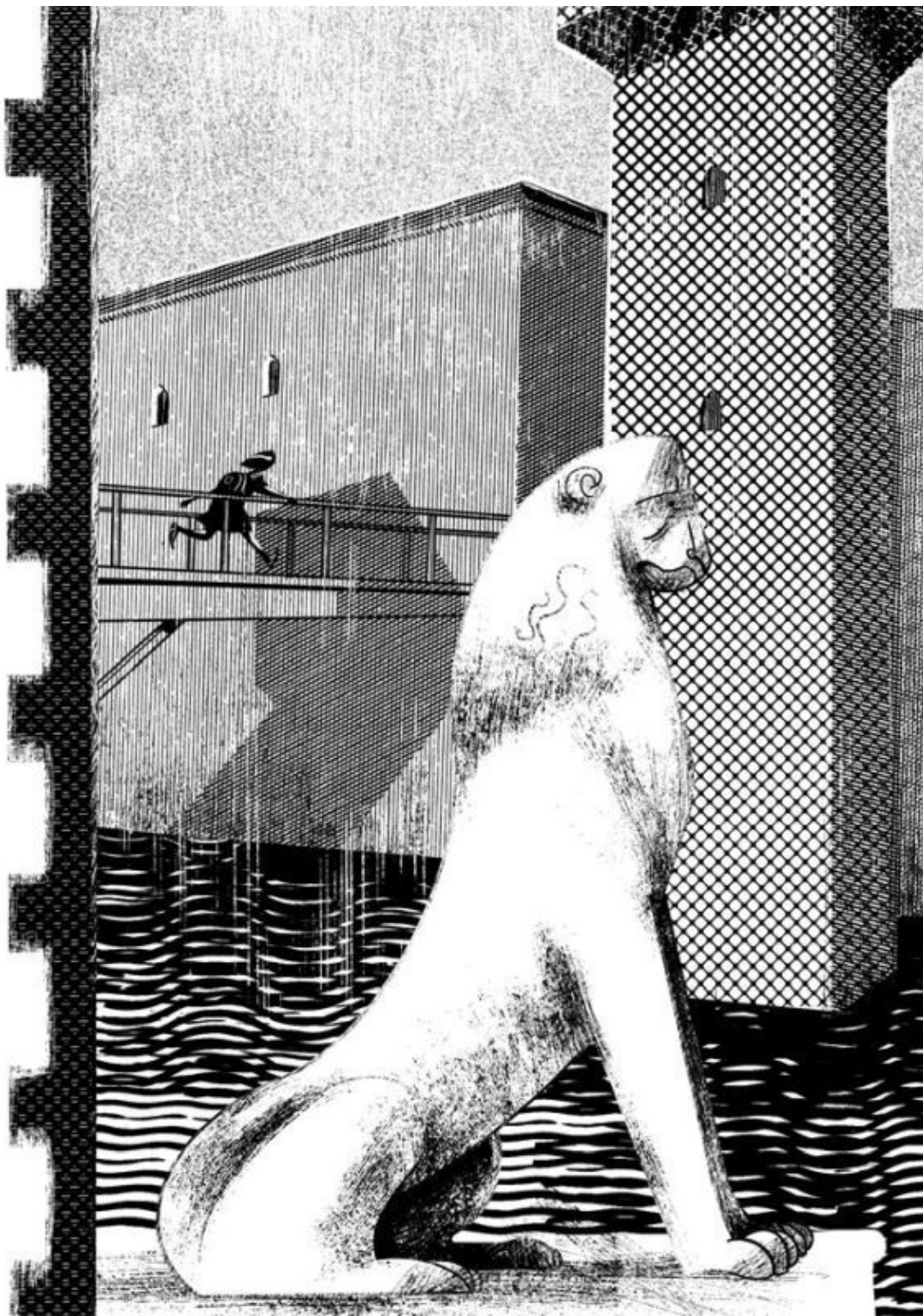
Но спуститься вниз, чтобы заглянуть в эти бутылки, я, конечно, не решалась. Прогнивший деревянный причал чуть поодаль, у острова, на котором находилось кладбище, отбивал у меня всякую охоту. Он торчал над мутной водой, кренясь, будто пьяный, и наводил меня на странные мысли. А вдруг под пристанью в тухлых водорослях застряла голова утопленника?

Дойдя до середины мостков, я невольно начинала бежать. Неслась мимо ангара с замурованными окнами, даже не заглянув в щели между кирпичами. Конечно, пару раз, воспользовавшись моментом, когда мимо проходили люди, я украдкой заглядывала внутрь. В присутствии прохожих я даже осмеливалась остановиться. И, прижавшись лицом к металлической сетке, закрывавшей щели, наспех пожирала глазами ангар. Сквозь непропорционально высокий потолок лился свет, освещающий заросший травой пол. Вдоль стен выстроились таинственные каменные печи, такие гигантские, что в них легко можно зажарить целого быка.

Этот ангар был даже больше того, в котором бабушка Эя устроила мастерскую. Еще более пустой и зловещий. Подходящее местечко для ночных собраний Ку-клуks-клана.

В тот день я не встретила прохожих, поэтому замедлила шаг, только когда в конце мостков показались выстроившиеся в ряд домишки Казармы. Среди них было несколько обитаемых, с ухоженными садиками, утопавшими в кустах роз. Но большая часть годами стояла с заколоченными окнами, а вместо роз тут росла дикая ежевика. На длинных веревках всегда сушилось белье: трусы, носки, старые негнущиеся штаны, хлопающие от ветра на фоне лагуны. Казалось, белье не снимают неделями.

Людей на улице я видела очень редко: лишь иногда кто-нибудь копошился у дома. Случалось, они приветствовали меня коротким кивком. В основном старики: детей было мало, да и те необщительны. Стоило мне посмотреть, как они играют, дети тут же без улыбки и без враждебности уходили прочь. Поэтому я решила никогда не останавливаться.

Впрочем, самая страшная часть пути была еще впереди.

Как обычно, в тот день я почувствовала себя Красной Шапочкой, которая бредет по опасному лесу к бабушке. Я тоже несла «пирожок и горшочек масла», только не в корзинке, а в пластиковой коробке. К счастью, до сих пор мне не попался ни один волк.

Как странно, подумала я тогда. Почему мама никогда меня не провожает? Не кажется ли ей, что тут опасно? Неужели она не знает, как здесь безлюдно и неуютно? Нет, в том-то и дело: она никогда не была в этих местах.

Неожиданно в голове у меня промелькнули две мысли.

Первая: у меня супербабушка. Бедная и очаровательная. От которой пахнет цветами плюмерии. Которая умеет потрясающе рассказывать истории. Которая верит всему, что ей говорят, и никогда меня не ругает. Всем бы такую бабушку.

Вторая: мама, единственная дочь, никогда не проходит по железным мосткам, чтобы навестить бабушку. А бабушка, у которой в целом свете нет других родственников, кроме нас, никогда не приходит в гости. Никогда-никогда-никогда. Даже на Рождество. И по телефону они никогда не разговаривают.

Последнее вполне понятно: у бабушки нет телефона. Но не объясняет всего остального.

Смешно: я никогда об этом не задумывалась. Я так привыкла быть Красной Шапочкой, которая одна-одинешенька идет к бабушке. Это сейчас, когда я взрослая, я хожу сама; а раньше меня провожала одна из маминых подруг, соседок по дому. Мне это казалось обычным делом.

Так было всегда.

Сколько раз я приходила к бабушке Эе? Если считать четыре раза в неделю, а недель в году пятьдесят две, получается около двухсот раз в год. Двести помножить на десять – столько мне лет. А ведь я ходила к ней с рождения, то есть получается всего где-то две тысячи раз. Правда, надо вычесть первые месяцы после рождения, когда я была слишком маленькой для таких далеких прогулок, время, что я проболела скарлатиной, дни школьных экскурсий и каникул за городом... в общем, можно с уверенностью сказать, что я была у бабушки как минимум полторы тысячи раз. И всегда без мамы!

Но мне не казалось это странным. Может быть, если привыкнуть к чему-то странному с рождения, это перестает казаться странным. Но в тот день необъяснимое поведение мамы и бабушки занимало все мои мысли. Возможно, потому, что по дороге к Челестии я встретила Франческу (мою соседку по парте), которая шагала между своими мамой и бабушкой. Ее бабушка была очень старая, девяносто четыре года. Но они все втроем весело направлялись к универмагу за новым платьем для Франчески.

Погрузившись в размышления, я брела мимо садилов и развевающегося на ветру белья, через запущенные огороды, заросли густой травы, крапивы и всевозможных сорняков. Какой тайный закон заставлял маму и бабушку, мать и дочь, не ходить друг к другу в гости? Я чего-то не знаю? Когда я возвращалась домой от бабушки Эи, мама всегда дотошно расспрашивала о ее здоровье. Она засыпала меня вопросами, порой обескураживающими. Например: «От нее нормально пахнет? Ты уверена, что она моется?» Она волнуется за нее. Любит. Но тогда почему они избегают друг друга?

Показалась внушительная арка в стене с гигантской надписью «АРСЕНАЛ ВЕНЕЦИЯ». Когда я прошла сквозь нее, лагуна исчезла за высоченной зубчатой, как у замка, стеной, перебившей весь район. Я миновала другие ангары из красных кирпичей со странными металлическими станками, выкрашенными в ярко-голубой цвет. Должно быть, кто-то на них работал, не давая им покрыться ржавчиной. Но я никогда не видела, чтобы туда входили люди.

Дойдя до таблички «ВОЕННАЯ ЗОНА», я взглянула на красный знак с перечеркнутой рукой – вход воспрещен – и повернула направо. Таблички «ОПАСНОСТЬ ОБРУШЕНИЯ» на некоторых зданиях призывали держаться от них подальше.

Я шла вперед, забыв о своем страхе Красной Шапочки в лесу, пытаюсь собрать воедино все то, на что до сих пор не обращала внимания. И вот куча необъяснимых фактов. Например, бабушка Эя никогда не упоминала о своей дочери. И дома у нее не было маминых фотографий. Ни одной. И еще. Мои рассказы о маме она выслушивала молча, с натянутой улыбкой. А потом меняла тему.

Очень-очень-очень странно. Как я раньше не замечала всего этого?

И вот еще: почему мама всегда советовала мне говорить бабушке, что я сама, своими руками приготовила кушанья, которые ей приносила? Часто мама наспех что-нибудь стряпала, а я только украшала, правда, весьма изощренно и причудливо. Но мама всегда просила гово-

рять, что я все-все делала сама: и месила тесто, и раскатывала, и ставила в духовку. Раньше я думала, мама хочет, чтобы я произвела впечатление на бабушку. Но теперь и это казалось странным.

Через огороды, засаженные капустой, я добралась до ворот корабельной верфи. Потом, как обычно, свернула влево и уверенно нырнула в заросли кустарника и высокой травы. Здесь пряталась тропинка: чтобы выйти на нее, надо было точно знать, куда ставить ногу. Никому бы не пришло в голову соваться в заросли крапивы высотой с четырехлетнего ребенка. Я взглянула на растущую вдоль тропинки дикую вишню. Ягоды почти созрели. Может, им осталась еще пара недель. Я хорошо знала этот вкус: до того кислый, что вяжет рот. Когда ягоды из бледно-розовых превращались в ярко-красные, я рвала их и запихивала в рот целыми пригоршнями, чтобы потом пулеметной очередью выплевывать косточки.

Метров через двадцать заросшая тропинка вдруг выходила на широкую окруженную деревьями поляну. Приближалось лето, так что лужайка была покрыта густой сочной травой. Посреди поляны возвышался маленький холмик – метра два в высоту. Трава на нем почему-то всегда оставалась ярко-зеленой, даже зимой. А в глубине был разбит огород и стоял сарай для инструментов.

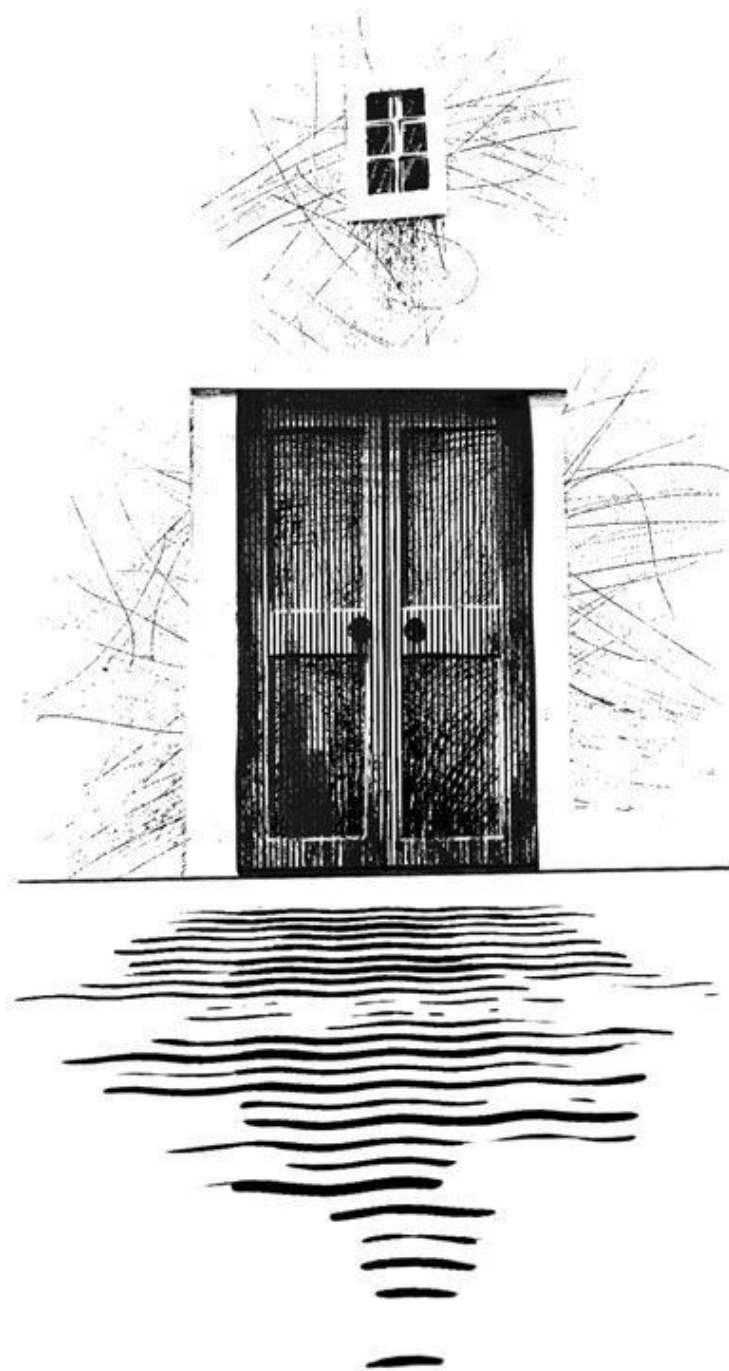
Я огляделась вокруг: нет ли бабушки на улице, не копаются ли она в капустных грядках в своем длинном белом платье, которое, как по волшебству, никогда не пачкается. Но в тот день ее там не было, и я пошла дальше.

Значит, она в доме: режет на кухне овощи для своих фирменных салатов и слушает радио. Или в заброшенном ангаре рядом с домом. Это точно такой же ангар, что был у меня на пути, разве что чуть поменьше и без печей. Его бабушка оборудовала под мастерскую. Он был весь забит всевозможными кистями, тубиками, банками с краской, водруженными на перевернутые ящики из-под фруктов. Полотна тоже стояли на перевернутых ящиках, чтобы их не затопило при наводнении. На полу теснились ведра с водой.

Я перешла лужайку, пробралась под густыми кронами деревьев и остановилась у разбитой заросшей травой лодки. Она лежала здесь, должно быть, не меньше века. В детстве я любила забираться в нее и играть в пиратов. Теперь у меня была другая игра. Медленно замурываешься, не сводя глаз с лодки, пока она не расплывется в тени опущенных век. И тогда лодка поднимется над лужайкой и точно дирижабль поплывет, покачиваясь в небе. Это чудо было под силу мне одной.

Лодка лежала прямо у двери бабушкиного дома. Деревянной двери некогда голубого цвета, опутанной плющом, ползущим вверх по водосточным трубам и скрывавшим заклеенные бумагой разбитые окна верхнего этажа. На двери никакого звонка. А как ему тут оказаться? Ведь в доме не было электричества.

Как всегда, перед тем как постучать, я посмотрела на кусочек неба над высоченной зубчатой стеной. На нем виднелась только изящная верхушка далекой колокольни. Всего лишь верхушка. И чуть в стороне – огромный подъемный кран. Вот и все, что осталось от Венеции. Город для меня исчез.

Глава вторая

Дверь открылась, и я протиснулась в крошечную прихожую, заставленную высокими резиновыми сапогами и завешенную непромокаемыми плащами.

Бабушка обняла меня и нагнулась, подставляя мягкую щеку, благоухающую, как и дыхание, пряностями и плюмерией. Ее длинные белые волосы были собраны в змеившуюся по спине густую косу, будто из белоснежной шерсти.

Поцеловав меня, она отодвинулась, чтобы лучше рассмотреть. На лице появилось недоумение.

– Элиза, что это у тебя за пузо?

Я опустила глаза на джинсы. Действительно, живот заметно вздулся. Я состроила гримасу раскаяния.

– Уже видно? Тебе-то я могу рассказать... Понимаешь, у меня неприятности... я беременна, бабушка!

На какую-то долю секунды бабушкины зрачки расширились. Ей можно было напелести все что угодно: она всему верила.

Но мне не хотелось, чтобы бабушка хлопнулась в обморок. Поэтому я сунула руку за пояс и принялась разворачивать изрядно помявшийся подол тонкой белой рубашки.

– Это ночная рубашка, бабушка. Я надела ее под джинсы и теперь могу играть Офелию, не тратя время на переодевания.

Я опустила полы рубашки поверх джинсов. Она была такая длинная, что доставала до пят.

– Какое облегчение, что ты не ждешь ребенка в десять лет! – Бабушка нарочито громко рассмеялась. Потом добавила:

– Теперь мы одеты одинаково.

Действительно, ее белое платье напоминало ночную рубашку.

– Мне нужен еще розмарин. И фиалки, – сказала я, слегка разочарованная ее фальшивым смехом. Она ни капельки не испугалась. Бабушка повернулась, пошла на кухню и вынула из синей вазы букетик полевых цветов и душистых трав.

– Эти подойдут?

– М-м. Отлично.

Я прошла за ней в большую кухню. На полках среди свечек и банок с кофе и мукой поблескивало множество безделушек. На газовой плите сверкали начищенные до блеска горелки. Деревянный стол был накрыт голубой скатертью, скрывавшей въевшиеся следы от стаканов. По стенам висели календари десятилетней давности и несколько картинок: эльфы, око Хора и ангелы с громадными крыльями – творчество бабушки Эи. На окне, защищая дом от посторонних глаз, висела пожелтевшая кружевная занавеска.

Из радио на полке доносилась тихая оперная музыка.

Я всегда считала, что бабушкина кухня точь-в-точь как в английских коттеджах: битком набита ценными вещичками. Можно было спокойно их трогать, не действуя никому на нервы.

Я поставила на стол пластиковую коробку:

– Это тебе.

– Что это?

– Пудинг с анчоусами.

– С выглядывающими головками рыбок, как я люблю?

– Ага.

– Ты сама приготовила?

Это был риторический вопрос, потому что каждый раз без исключения я выпаливала в ответ: «Конечно, бабушка Эя. Твоя дорогая внучка своими золотыми ручками».

В тот день я на самом деле приготовила пудинг сама. Маме и в голову не пришло бы напичкать его каперсами, орехами и изюмом. Там было больше кедровых орешков, чем анчоусов. К тому же я воткнула сверху рыбок с крошечными открытыми ртами. Будто они всплывают над пудингом, как над гладью озера.

- Честно говоря, я сегодня не успела, – соврала я, поддавшись внезапному порыву.
- И кто же это приготовил?
- Мама.

Бабушка, которая протянула было руку к коробке, отпрянула как ошпаренная. На мгновение она словно одеревенела: огромная деревянная кукла в белом платье.

Голосом, который даже мне самой казался фальшивым, я попыталась оправдаться:

- Нам задали много уроков...
- Я не могу это есть. Забери обратно.

– Но мама отлично готовит! Гораздо лучше меня! Я отвернулась, чтобы поставить чайник. Но успела заметить, как губы ее скривились в неприятной гримасе. Моя добрейшая бабушка со злой ухмылкой. Я почувствовала себя виноватой. Но нельзя же было спросить: «Бабушка, вы с мамой что, друг друга ненавидите?» Как можно такое спрашивать? Я не знала, что делать дальше. Бабушка молчала, враждебно выпрямив спину. Как мне хотелось вернуть все обратно. Я завела разговор о водорослях, которые в этом году уже начинают наводнять лагуну. Такая гадость! В ее молодости тоже были водоросли? И так далее: ля-ля-тополя. Я уже не могла остановиться:

– Бабушка, ты рисовала? Ты закончила картину с ангелом в огне?

Все что угодно, лишь бы отвлечь ее от пудинга, оскверненного мамиными руками.

Бабушка Эя насыпала в чайник две ложки чая, осторожно налила кипяток, потом повернулась, не глядя на меня, чтобы поставить на стол две чашки. Молча поставила чайник и блюдо с печеньем, отодвинула стул, чтобы я могла сесть, выключила радио и наконец облокотилась обеими руками на стол, как бы ища у него поддержки. Потом бабушка уставилась на пластиковую коробку. Я не ждала, что она сядет: бабушка никогда этого не делала и практически

всю свою жизнь провела на ногах. Но тут я чуть было не предложила ей сесть: она выглядела очень усталой.

– Ты должна попросить свою маму рассказать, почему я не принимаю от нее подарков. Почему мы не ходим друг к другу в гости. Я не хочу настраивать тебя против матери.

Она по-прежнему избегала моих глаз.

– Она должна первая рассказать тебе. Ты уже взрослая, Элиза. У тебя своя голова на плечах.

Наконец-то на губах ее мелькнула слабая улыбка, и она снова посмотрела на меня:

– Кто знает наизусть Шекспира, может все в жизни понять.

Я нехотя кивнула, не проронив ни слова. Мне уже не так хотелось раскрыть их секрет. Бабушка заулыбалась еще шире:

– Пей чай. Знаешь, Валентина снова приходила. Валентина – это розовая зайчиха, которая время от времени появлялась на лужайке перед домом. Бабушка Эя говорила, что она каждый раз оставляет для меня подарочек. Я никогда ее не видела, но подарочки были настоящими: деревянная шкатулка, ручка со старинным пером, крошечная мышка из синего стекла. Надо было только выкопать их из-под разбитой лодки.

Покончив с печеньем, я на глазах у бабушки съела весь пудинг. У меня не хватало духа отнести его обратно домой. Потом мы вышли на улицу, и я, заправив ночную рубашку в джинсы, принялась искать клад. Я откопала закрученную ракушку, пальцем счистила с нее землю: она оказалась целехонька, внутри бледно-розовая, такая изысканная.

Вернувшись на кухню, я до блеска отмыла ракушку, выпустила ночную рубашку поверх джинсов, взяла цветы и велела бабушке отойти в угол:

– Ты за короля и говоришь:

*«Как поживаете, мое дитя?»*¹ – *Как поживаете, мое дитя?* – спросила бабушка басом.

– *Хорошо, спасибо! Говорят, у совы отец был хлебник...* – в одной руке я сжимала цветы, а другой, с ракушкой, размахивала из стороны в сторону, – *Господи... Господи...*

– *Господи, мы знаем, кто мы такие, знаем, чем можем стать,* – подсказал мне король.

Я повторила эту фразу с выражением и проскочила целый кусок.

– *Вот розмарин, это для воспоминания,* – я принялась декламировать в раковину, держа ее перед собой, как микрофон. Еще один кусок.

– *А вот трюфельный цвет, это для джм. Вот укроп для вас и голубки...*

Я воодушевленно продолжала, ракушка металась вверх-вниз, потому что мне приходилось разбрасывать по полу бабушкины цветы. Я была Офелией – душевнобольной.

– *И он не вернется к нам? И он не вернется к нам? Нет, его уже нет,* – начала напевать я, чуть не плача.

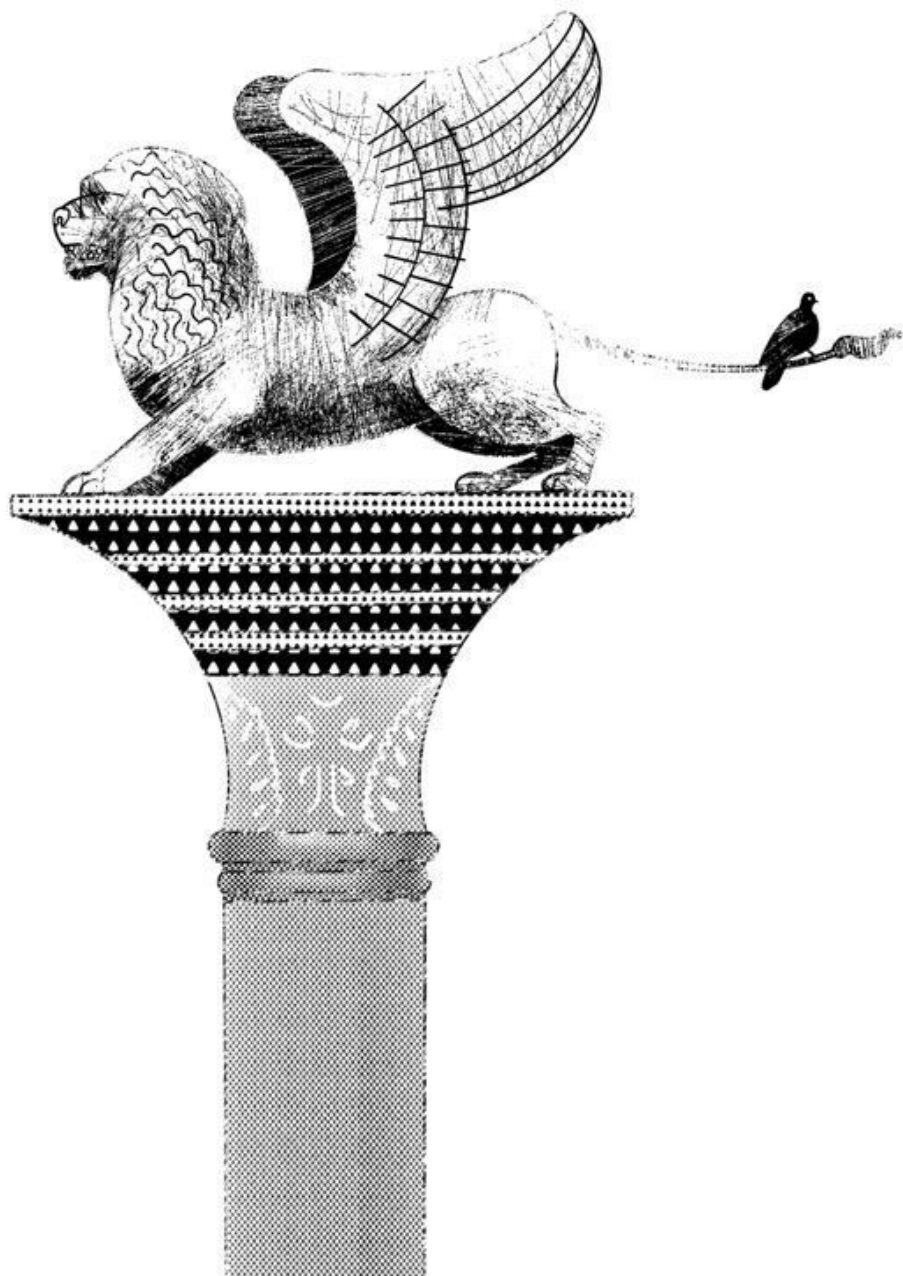
А потом бросилась в объятия бабушки, хотя Офелия так не делала.

Бабушка Эя зааплодировала.

– Просто великолепно! Ты станешь великой актрисой, Элиза. – Глаза у нее сверкали. – В молодости из меня тоже получалась неплохая Офелия. Я всегда питала слабость к этому персонажу, но ты вложила в него нечто большее, говорю тебе как человек, который кое-что в этом смыслит. Поцелуй меня еще раз. А теперь не хочешь ли послушать свою старую бабушку?

Я охотно согласилась. Бабушка Эя схватила чайник и прижала его к груди, изображая, что это череп Йорика. Так начался монолог Гамлета. Я слушала с открытым ртом.

¹ Здесь и далее в переводе М. Лозинского (Прим. ред.).

Глава третья

Вернувшись домой, я прямиком направилась в свою комнату, чтобы избавиться от живота до маминого возвращения с работы. Пусть лучше не знает, что я выходила на улицу в ночной рубашке.

Мама не переваривала чудачества. Любые чудачества. Если я сочиняла что-нибудь смешное, она пристально смотрела на меня с озабоченной полуулыбкой. А если придурилась, например, строя забавные рожи перед зеркалом, мама хмурилась и молча окидывала меня испытывающим взглядом. При этом она делала вид, что хлопочет по дому, но, судя по ее механическим и рассеянным движениям, мама по-прежнему наблюдала за мной. Тогда я поскорее переставала гримасничать.

Я знала, почему мама такая невеселая: женщины, которые рано вдовеют, всегда грустные. Когда умер папа, мне был год. В доме повсюду были развешаны его фотографии, поэтому он казался слишком большим. Возникало чувство, будто эти старые темные портреты поглощают цвета мебели, стен, наших лиц. Будто мы с мамой две безмолвные рыбы, плавающие в аквариуме.

Я не спеша переоделась. Мамин киоск закрывался в полвосьмого, так что до ее возвращения домой еще оставалось время. Я всегда смутно догадывалась о существовании какой-то семейной тайны – скелет в шкафу, как пишут в романах, – и начала выдумывать историю о незаконных детях и секретных сговорах. Кто-то запретил бабушке видеться со своей дочерью, потому что... Потому что иначе... Что иначе? Конец никак не придумывался. Вспомнились вопросы, которыми меня засыпала мама, когда я возвращалась от бабушки. У бабушки достаточно тепло? Она не забывает выключить плиту? Как она была одета? Она ест? Что она ест? У нее усталый вид?

До сих пор я всегда старалась отвечать как можно более развернуто. Когда темнеет, бабушка зажигает свечи, ведь электричества в доме нет. Это из экономии, хоть бабушка и покупает дорогие свечи из пчелиного воска. В доме очень чисто – хоть с полу ешь. Бабушка всегда ходит в белом, потому что это самый чистый цвет на земле. У нее потрясающий огород: на нем растет все что хочешь.

Мама внимательно меня слушала, ловя каждое мое слово. Но о полотнах в ангаре, которые бабушка Эя недавно закончила, я маме не рассказывала. Я имею в виду не те картинки, которые она время от времени малюет для туристов. Нет. А те настоящие полотна, которые бабушка пишет для себя и не собирается продавать. Опиши я их, мама непременно бы встревожилась: было в них что-то чрезмерное.

В тот вечер мама, накрыв на стол, начала обычные расспросы.

– Как бабушка? Она не забыла получить пенсию?

Начинается!

– Бабушка прекрасно себя чувствует! – взорвалась я. – У нее пока не отшибло память!

– Слава богу. – Неуверенная улыбка. – Было бы досадно, если...

– Она может отлично позаботиться о себе сама. Получше нас с тобой. Ей никто не нужен. Я слышала собственный агрессивный тон, как будто это говорил кто-то другой.

– А что? Она на что-то жаловалась? – Мама продолжала мешать ложкой суп в тарелке.

Прядь волос падала ей на глаза, но она и не пыталась убрать ее.

Сейчас я прямо видела этот СЕКРЕТ: огромный мутный пузырь, повисший в воздухе между нами. Он застилал глаза, мешая нам с мамой взглянуть друг на друга. Я открыла рот, чтобы извергнуть поток острых, как иглы, слов. Хотелось как можно скорее лопнуть этот пузырь.

– Мама, почему ты не навестишь бабушку, если так хочешь знать, как она поживает? Почему ты никогда к ней не ходишь? Она же не на Северном полюсе живет, – сказала я тихо.

Мама перестала мешать суп. Она удивилась, расстроилась, смутилась или еще не знаю что. В общем, я решила, что своими иглами пронзила не пузырь-секрет, а собственную мать, прямо в сердце. Я отвела глаза.

– Она тебе рассказала.

Это не был вопрос.

– Бабушка все тебе рассказала, да?

Я услышала, как дрогнул ее голос. Это было невыносимо. Я смотрела, как она ищет сигареты, спички, прикуривает, лихорадочно затягивается.

– Нет, мама. Бабушка Эя сказала, что ты должна мне все рассказать. Она не захотела есть пудинг, потому что... Потому что...

– Потому что решила, что его приготовила я? – прошептала мама, не вынимая сигареты изо рта.

– Да.

Мама заплакала. Молча, не навзрыд. Слезы катились медленно, а не брызгали фонтаном, как у меня.

Я встала и зарылась маме в колени. Обняла ее. Она быстро успокоилась и крепко прижала меня к себе. Потом отодвинула стул, чтобы я могла устроиться у нее на руках, как в детстве. Правда, в детстве плакала я, а мама успокаивала.

– Мне уже десять. У меня своя голова на плечах. Я все могу понять.

– Я знаю, – она прижалась ко мне. – Дело в том... Она начала меня качать, еле-еле покачивать. – Я должна была давно тебе все рассказать.

– Сделай это сейчас. Ну пожалуйста.

Я отогнала рукой дым.

Мама глубоко вздохнула – как ныряльщик, который готовится к прыжку.

– Элиза, ты всегда знала бабушку спокойной. Но много лет назад, когда ты еще не родилась, однажды вдруг...

Я выпрямилась, чтобы видеть ее лицо. Мама говорила с закрытыми глазами, напрочь забыв о сигарете.

– Бабушка Эя жила в квартире под нами, одна. Как понимаешь, мы виделись очень часто. Но однажды бабушку не было видно несколько часов. Тогда я спустилась к ней и обнаружила, что она стоит неподвижно у окна, а в руках у нее чайник. Она смотрела на него так растерянно, будто не знала, что это такое. Когда я заговорила с ней, она не ответила. Бабушка ничего не узнавала. Брала в руку туфлю и не понимала, что с ней делать. Или стул. Ни с того ни с сего. С каждым днем становилось все хуже. Она видела вещи, которых на самом деле не было. Она не узнавала людей. Она постоянно терялась. Мы находили ее очень далеко от дома, падающую с ног от усталости. Я уговорила ее перебраться жить к нам, но это продолжалось недолго, твой отец испугался, потому что она стала опасной. Понимаешь, Элиза?

- Опасной? Как это?
- Опасной для себя самой. Она не выключала воду и заливала квартиру. Однажды выпила залпом флакон туалетной воды «Дикая свежесть». После этого, стоило ей открыть рот, оттуда вырывалось благоухающее облачко. – Мама затушила окурок о тарелку.
- И сейчас тоже.
- Что?
- У нее изо рта пахнет пряностями и плюмерией.
- До сих пор? Ты мне никогда не рассказывала!

– Ты меня никогда не спрашивала.

– Короче, опасные чудачества на этом не закончились. В конце концов она чуть не сделала нечто ужасное... Мы увидели, как она свешивается с балкона, размахивая руками, будто крыльями. Понимаешь? Мы едва успели ее удержать. Ей нельзя было оставаться дома: одна жить она не могла. И тогда я подписала бумаги.

– Бумаги?

– Бумаги, чтобы поместить ее в лечебницу. Я не знала, что делать.

– Ты хочешь сказать, в психушку? Бабушка лежала в психушке?

– Это единственное место, где ей могли помочь. Врачи поставили диагноз «шизофрения». Я приходила навещать ее, но она не желала меня видеть. Стоило мне появиться, она приходила в ярость. Потому что знала: это я подписала бумаги для лечебницы. Знала и то, что без моей подписи они не могли ее заставить там жить.

– Она не хотела там жить?

– Конечно, нет.

– Зачем же ты ее там держала? Бабушка отлично себя чувствует! Я вижу ее каждый божий день. Она не сумасшедшая!

– До того как попала в лечебницу, была. Там с ней что-то сделали, ее вылечили. Бабушка пролежала там почти четыре года. Когда ее выписали, она уже не захотела вернуться в свой дом рядом с нами. Как вдове служащего Арсенала, коммуна выделила ей жилье на Челестии, где она живет до сих пор. Мне рассказали, это просто лачуга, и я хотела найти ей что-нибудь получше. Но она отказалась. Чтобы проверить, все ли в порядке, я подсылала к бабушке своих подруг. Со мной она разговаривать не желала. А в диагнозе врачи ошиблись. Это была не настоящая шизофрения. Но меня предупредили: нужно ограждать ее от сильных волнений. Чтобы избежать рецидива.

– Поэтому ты никогда не ходила со мной?

– Я боялась, она перенервничает. В лечебнице, едва завидев меня, бабушка впадала в истерику. Но родилась ты, и я подумала, она захочет познакомиться со своей внучкой. Я назвала тебя Элизой: ведь это имя начинается на ту же букву, что и ее. Просила разных людей отводить тебя к ней. Даже когда ты была совсем малюткой. Она очень радовалась, когда ты приходила, это все говорили. А мне пришлось научиться жить без нее.

– Без мамы, – прошептала я.

– Без мамы.

Теперь я тоже сидела, закрыв глаза. Будто в полусне. Не знаю, сколько времени мы просидели так молча, убаюкивая друг друга. Потом мама снова заговорила.

– Очень важно, чтобы ты к ней ходила. Не только потому, что это доставляет ей радость. Ведь только так я могу убедиться, что с ней все в порядке... Если ты заметишь что-нибудь странное в ее поведении, ты же мне расскажешь, правда? Например, если она выкинет что-нибудь необычное... Будешь следить за этим?

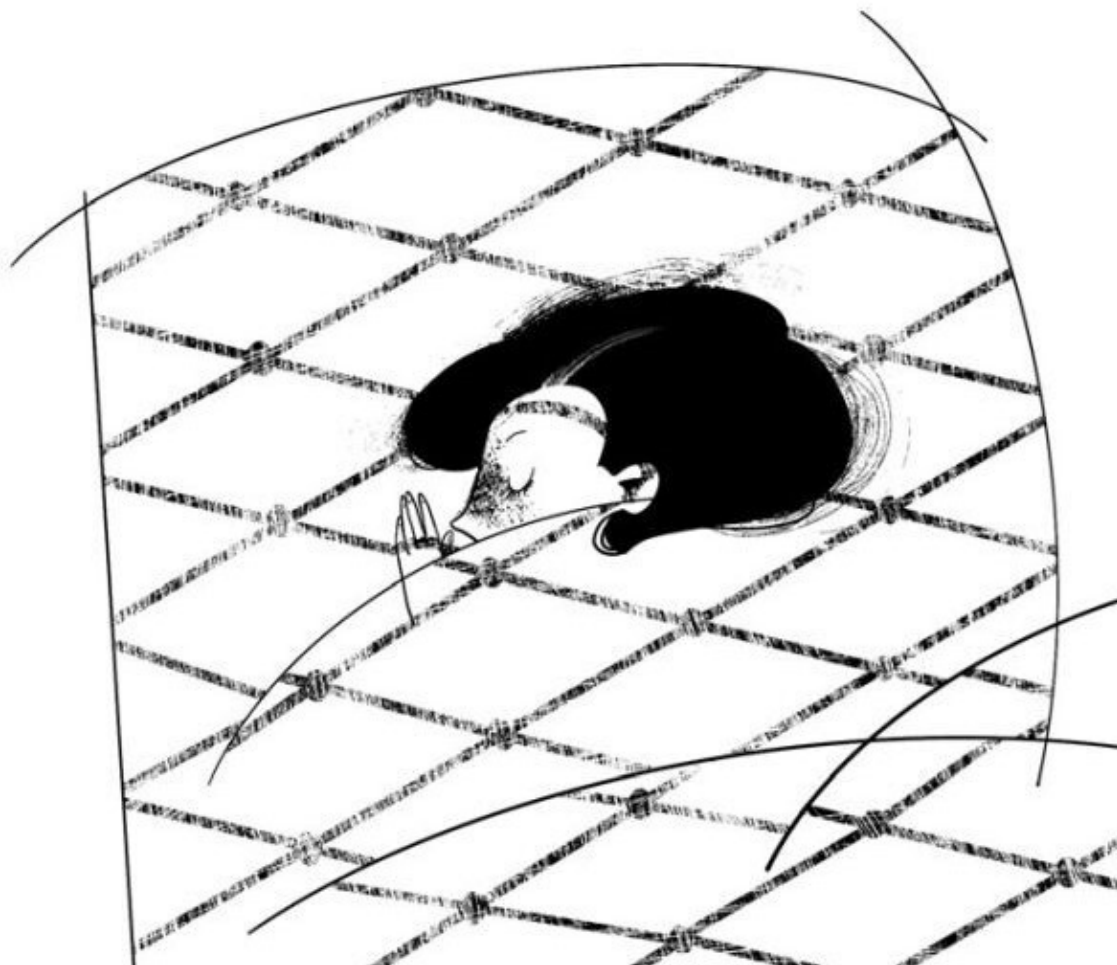
– М-м.

– Обещаешь?

В ответ раздалось только «хр-р-р».

Я впервые в жизни притворилась спящей, будто меня сморил сон прямо у мамы на коленях. Отвечать мне не хотелось. И обещать тоже. Это все равно, как если бы мама просила меня шпионить. Предать бабушку. Конечно, все это ей во благо, но я чувствовала, как что-то во мне сопротивляется.

Потом я, видимо, и правда уснула и проснулась уже в своей кровати от светящего в окно солнца.

Глава четвертая

Я снова стояла перед облупившейся деревянной дверью. Бабушка Эя открыла дверь, бросила на меня пыливый взгляд и спросила:

– Куда пойдём? В такую чудную погоду нечего сидеть взаперти.

Я серьезно кивнула. Я понимала, что это значит. Бабушка любила большие пространства и величественные пейзажи – так ей проще было откровенничать.

– Давай на пляж Лидо, – предложила я. Стоял жаркий май, и бескрайнее море могло поглотить наши тайны.

– На Лидо? – Она вся засветилась и прижала руку к голове, как всегда в моменты волнения. Это был особый способ выражения радости: приподнять локоть и прижать ладонь к макушке. Потом она опустила руку и покачала головой.

– Ничего не получится. Мы потратим слишком много времени на дорогу, а тебе к половине восьмого надо быть дома. Может, поднимемся на колокольню Сан-Марко?

– Бабушка, но там же наверняка толпы туристов!

– Ты права. Куда же нам пойти?

Действительно, куда? Я кусала губы, пытаясь придумать подходящее место.

– Давай так, – предложила бабушка Эя. – Мы отойдем немного. Потом я закрою глаза и возьму тебя за руку. А ты поведешь меня, как слепую, описывая все, что видишь вокруг. Если тебе удастся заинтересовать меня настолько, что я не выдержу и открою глаза, наступит моя очередь вести. И так до тех пор, пока я не найду подходящее место. Тогда я скажу тебе открыть глаза, и мы остановимся. Нравится тебе такая игра?

Мне понравилось – так я ей и сказала. У меня мелькнула мысль, не показалось бы маме такое предложение необычным.

Когда мы отошли достаточно далеко, чтобы не встретить знакомых, бабушка закрыла глаза. Я крепко взяла ее за левую руку и велела держаться поближе ко мне. Грубая, шершавая и холодная рука. Бабушка шла медленно, тяжело. Я увлеченно разглядывала ее исподтишка. Глубокие выразительные морщины вокруг глаз, плотно сжатые жесткие губы. Это лицо показалось мне голым и старым, уязвимым.

Когда мы шли вдоль каналов, я следила, чтобы бабушка, не дай бог, не свалилась в воду. Описывая все вокруг, я так увлеклась, что даже забыла, зачем мы ищем спокойное и открытое место.

– Мы на очень узкой прямой улочке. Я вижу развешанные желтые простыни, красную скатерть и белую пижаму... Старушку, которая высунулась из окна и смотрит на нас... Теперь поворачиваем... Тут колодец, скамейка... Мы на маленькой площади. Теперь подходим к арке. Я вижу дикобраза...

– Наверное, тот дикобраз с фамильного герба, – пробормотала бабушка, не открывая глаз. – Над аркой. Я его помню.

– Я вижу двух детей, серую кошку, открытое окно... я вижу ананас!

– Ананас? На гербах не бывает никаких ананасов! – Бабушка остановилась и открыла глаза. Мы стояли перед лотком с фруктами.

– Я победила! Теперь моя очередь.

Я зажмурилась и почувствовала, как бабушка крепко стиснула мои пальцы своей холодной рукой.

– Готова? – спросила она.

– Готова!

Не открою глаза ни за какие коврижки.

С минуту мы шагали молча. Странное это ощущение – продвигаться в темноте, вслепую. Первые несколько шагов я шла на негнущихся, как у Буратино, ногах, плотно прижавшись к бабушке. Но потом расслабилась: не уронит же она меня в канал.

– Ступенька, – сказала она. – Еще одна. И еще.

Я поняла, что мы на мостике. Наверху она остановилась. Я тоже встала, все еще с закрытыми глазами.

– Смотри, смотри, – удивленно воскликнула бабушка. – Что это? В канале, прямо под нами: похоже на огромную рыбину. Вон она плывет под водой, а теперь вынырнула! Да это же дельфин!

– Бабушка, не жульничай! – усмехнулась я, не открывая глаз.

– Я забыла рассказать тебе одно важное правило игры: тот, кто с закрытыми глазами, не может оспаривать слова ведущего. Он должен верить ему во что бы то ни стало.

Она двинулась дальше, слегка прибавив шагу.

– Ступенька вниз. Вторая. Третья.

Мы спустились с моста. Бабушка описывала арки, выглядывавшие из-за стен домов деревья, людей, магазины.

– Мы вышли на площадь. На земле лежит шелковый ковер. Огромный голубой ковер, расшитый золотым. Сейчас мы на него наступим!

Мы остановились. Я замерла в нерешительности. Шаркнув ногой, я нащупала под ботинок что-то мягкое. Неужели мы и правда идем по ковру? Я открыла глаза.

– Это же пляжная подстилка! Она упала сверху, вон с той веревки, – возмутилась я.

Бабушка пожала плечами:

– Ничего не знаю. Теперь моя очередь!

Теперь я поняла, как играть в эту игру. Мы переходили каналы, покрытые глыбами льда. На веревках вместо белья сушились стотысячные купюры. Львенок пил воду из колодца.

Бабушка Эя не сдавалась и выпрашивала детали, вдаваясь в мельчайшие подробности, ни разу не открыв глаза.

Пройдя очередной мост, с которого я увидела, как по каналу проплывает гондола, набитая дикими зверями, этакий Ноев ковчег в миниатюре, я поняла, что устала. Мы были у собора Сан-Пьетро в районе Каstellо. Там на пустынной площадке перед церковью стояли скамейки. Ни слова не говоря, я подвела к ним бабушку.

– Ты можешь открыть глаза, – заявила я, усевшись на скамейку.

Так она и сделала.

– Знаешь, как называется эта игра? – улыбнулась она мне.

– Как?

– Игра в доверие. О-па, черепаховый гребень! Она наклонилась и подняла с земли старую расческу со сломанными зубьями. У нее остались только два боковых широких зубчика и один посередине. Бабушка перевернула его вертикально, повернув зубьями на восток.

– Похоже на букву «Э», – заметила она.

– Первая буква наших имен.

– Подумать только, что когда-то эта расческа была частью какого-то живого существа, жившего неизвестно где. – Она медленно провела по гребню рукой, осторожно стирая пыль. Коричневый узор заблестел под ее пальцами. – Неизвестно где...

– Бабушка, прошу тебя, сядь. Нам надо поговорить.

Она послушалась, запихнув сломанный гребень в глубокий карман своего белого платья.

Какое-то время мы молча рассматривали лодки, пришвартованные на канале перед нами: рыбачьи лодки и торговые суденышки с облупившейся краской. И ни одной гондолы. Лодки мирно покачивались на воде вместе со своим отражением. Здесь было просторно и свежо.

– Мама рассказала мне про клинику, – еле слышно сказала я.

– Это было так давно. – Бабушка Эя смотрела прямо перед собой, глаза ее блуждали по каналу и по стене напротив. – Я так никогда толком и не поняла, как это началось... Когда я перестала узнавать вещи и все такое. Я только знаю, что это была попытка перевоплотиться, чтобы избежать смерти... Я говорю не о физической смерти, знаешь, люди могут умирать по-разному... Я помню тот день как вчера: меня увозят на лодке скорой помощи. Я кричу и вырываюсь на глазах собственной дочери.

Она встряхнула головой, как будто прогоняя эту картинку.

– Жизнь в клинике была кошмаром. Они не хотели, чтобы я перевоплощалась. Ни за что! Там и речи быть не может о каких-то перевоплощениях. Меня заставляли вернуться обратно, к моему прежнему «я». Поначалу я сопротивлялась, но потом... Ах, это было так жестоко. Знаешь, что такое электрошок?

Я молча кивнула.

Бабушка Эя вытащила из кармана расческу и принялась рассеянно тереть ее в руках.

– И не только это. Врачи были равнодушны и посвящали больным ничтожно мало времени. Это просто смешно: две минуты на больного – и следующий... и абсурдные правила. Это был ужас. Ужас. Чтобы выбраться оттуда, я сделала то, что они хотели: я стала той, кем была раньше.

Бабушка замолчала. Она уставилась на расческу, но я понимала, что она ее не видит. Она с головой ушла в прошлое. Потом, видимо, какая-то мысль ее успокоила. Она снова заговорила.

– В клинике у меня были друзья. Тоже сумасшедшие. Каждый что-нибудь искал. Как там у Шекспира? «Мы знаем, кто мы такие, но не знаем, чем можем стать». Умалишенные – это люди, которые мечутся в смятении, пытаюсь превратиться в то, чем могут стать, понимаешь?

Я кивнула, хотя вовсе не была уверена, что поняла.

Бабушка Эя продолжала свой рассказ.

– Время исчезло, я уже не отличала день от ночи. Да это было и неважно. Потом наконец-то один врач подсунил мне краски. Я начала рисовать. Но не слащавые картинки, как раньше. Ведь до того момента я всю жизнь малевала картинки, которые нравились другим, только чтобы заработать денег. В тот день я начала рисовать то, что нравится мне самой. Так что, видишь, во всей этой истории, случившейся в результате моей попытки перевоплотиться, которую врачи посчитали сумасшествием, оказались свои плюсы. Но я не могу простить свою дочь. Ни одно живое существо не имеет права лишить свободы другое. Никогда и ни за что.

– Мама за тебя волновалась. – Я чувствовала необходимость оправдать маму. Мне не нравилось представлять ее в роли тюремщика.

– Для нее любое чудачество опасно. Она бы и сейчас уpekла меня в психушку, если бы сочла необходимым. Поэтому я предпочитаю держаться от нее подальше.

Мне нечего было возразить: я слишком хорошо знала, что это правда.

– Если меня снова уложат в клинику, думаю, я погибну на второй или третий день.

Она произнесла эти слова спокойным тоном, так, будто это вопрос решенный. До меня не сразу дошел смысл сказанного. Ее слова отдавались в ушах как пустой звук.

Потом на глаза у меня навернулись слезы.

– Умру, – прошептала она.

– Но тебя больше никогда не положат в больницу! – воскликнула я, обнимая ее покрепче, чтобы не дать договорить. У меня было такое чувство, будто бабушка Эя сказала что-то неприличное. – Ты не сумасшедшая!

Прижавшись к ней лицом, я чувствовала ее пряное дыхание. Я вспомнила про флакон туалетной воды «Дикая свежесть», который много лет назад она цедила, как коктейль.

– Ах так? А если я скажу тебе, что вижу гигантских медуз, которые плавают вон под теми лодками?

– Где?

– Там, внизу... Их уже не видно. Они нырнули слишком глубоко. Пошли ко дну.

– Я видела их! Я успела разглядеть их до того, как они исчезли. Бабушка, я их видела! – Я изо всех сил таращила глаза, чтобы показать, как я взволнована. – Честное слово! Честное слово! Они были как голубое желе с щупальцами! Правда, я их тоже видела!

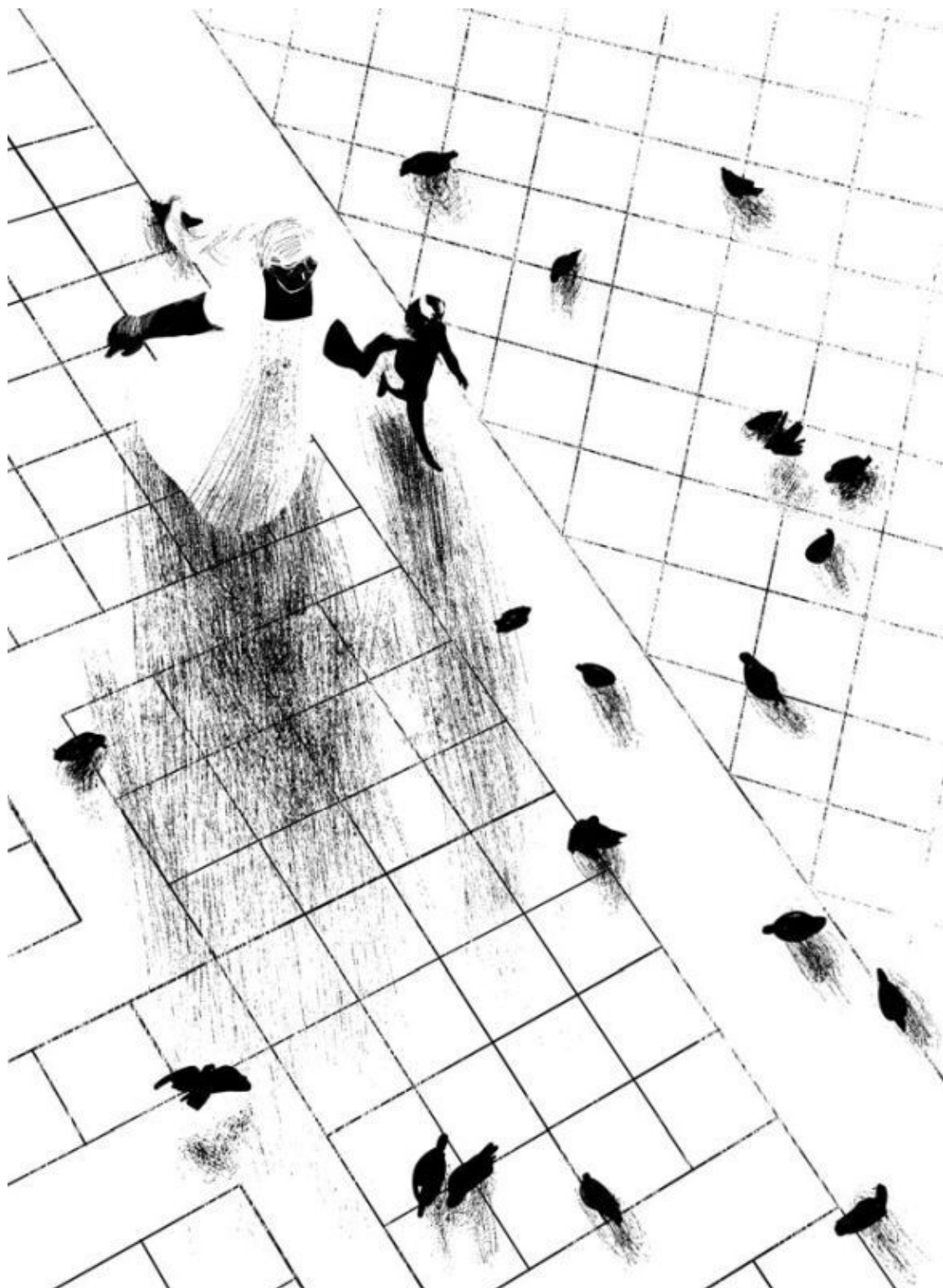
Она чмокнула меня в щеку.

– Спасибо, Элиза, – она вздохнула. – За одно я благодарна твоей маме.

– За что?

– Что она отпускает тебя ко мне.

Глава пятая

Игра в доверие запомнилась мне хорошо: тогда я в последний раз видела бабушку Эю такой как обычно.

В следующий раз я пришла к ней только через несколько дней. Если я правильно помню, через пять дней. Конец учебного года был на носу, мне предстояли экзамены в шестой класс.

Не то чтобы я их очень боялась, но овладевшая классом нервозность заставляла меня больше заниматься: целыми днями я просиживала за уроками одна дома или у Франчески. Наконец наступила суббота, и я отправилась на Челестию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.